

Т. Н. Потницева
Днепропетровск

ЧИТАТЬ ИЛИ НЕ ЧИТАТЬ, ИЛИ КАК ВАЖНО БЫТЬ ЧЕСТНЫМ (об искусстве любви к книге)

Дається порівняльний аналіз книг двох сучасних авторів, в яких вони торкаються проблеми статусу класичної літератури та книги у сучасному суспільстві.

Ключові слова: класична література, «світова бібліотека», гуманітарне знання, літературознавство, читач.

Дается сравнительный анализ книг современных авторов, в которых они затрагивают проблему статуса классической литературы и книги в современном обществе.

Ключевые слова: классическая литература, «мировая библиотека», гуманитарные знания, литературоведение, читатель.

The article focuses on the comparative analysis of two book written by contemporary authors who are upset by the status of the classical literature and the status of book in general in the modern society. Both Pierre Bayard – a professor of Paris-VIII University and Alexander Genis – Russian writer- are concentrated on the same – on creating some recipes to inculcate in people a love for reading literature. The both understand the vainness of that. That's why the author of Russian book “Lessons of Reading. Bibliophile's Kamasutra” agrees even to alternative forms of book representation – cinematographic or theatrical. The French professor-philologist a in his turn agrees to dilettantism in that sphere admitting the fact that many important books are very difficult for perception for those who are not enough intellectually mature to read them and who need adaptors or re translators. In paradoxical-ironical way Bayard proposes some peculiar formats of reading/not reading books. But all that is only a postmodernistic form which reflects the same as A. Genis's sorrow for classical book losing its position.

Key words: classical literature, “world library”, humanitarian knowledge, literary criticism, reader.

Противореча рекомендациям Оскара Уайльда не читать книгу, которую вы собираетесь рецензировать, «ведь так просто попасть под влияние», предлагаю свои суждения по поводу книг, которые честно прочитала и

которые, думаю, не должен пропустить современный филолог-литературовед, да и просто любитель литературы. Речь идет о новой книге Александра Гениса «Уроки чтения. Камасутра книжника» [3] и о книге французского профессора-литературоведа Пьера Байяра «Искусство рассуждать о книгах, которые вы не читали» [1], изданной во Франции в 2007 г. и наделавшей в Европе много шума. Приведенные выше слова Оскара Уайльда служат эпиграфом к последней. Из самих названий книг становится ясно, что они написаны на одну тему – о роли книги в жизни человека, о формах проявления к ней своих чувств, которые бывают весьма разными.

Профессор университета Париж VIII, автор многочисленных книг о литературе, начинает свои размышления с явного эпатажа: «Я родился в семье, где читали мало. Сам тоже чтением не увлекался, некогда мне было этим заниматься <...> Работаю я в университете, преподаю литературу, и мне по долгу службы положено рассуждать о книгах, которых во многих случаях я даже не открывал» [1, с. 4]. Чуть дальше вот такое: «Я преподаватель, поэтому мне чаще, чем многим приходится перед большой аудиторией говорить о книгах, которых я не читал (либо в буквальном смысле, ни разу не открывал, либо, не так буквально, быстро пролистал, либо просто напрочь забыл, о чем там шла речь)» [1, с. 83]. Ошеломляющее искренностью признание, которое, чего уж тут греха таить, в какой-то мере отражает истинное положение дел сегодня и в среде филологов, располагает к дальнейшему чтению исповеди Байяра, тем более что далее следует забавная классификация форм взаимоотношения читателей с книгой: НК – неизвестная книга, КП – книга пролистанная, КС – книга, о которой мы слышали, КЗ – книга, содержание которой мы забыли. Эта классификация, а также перечень неловких ситуаций для не читавшего или только пролиставшего книгу собеседника и составляют главы и разделы книги Пьера Байяра.

Подвох и игра автора со своим читателем ощутимы не только в явном подражании традиционному научному сочинению типа диссертаций: в самом начале, как и положено для этого жанра, указаны цели, задачи, приведен терминологический аппарат со своей аббревиатурой – во всем этом очевиден кураж преподавателя университета, который уже может с иронией оценить привычную и по-своему рутинную сферу своей деятельности. Парадоксальная, в какой-то мере уайльдовская (не случайно эпиграфом служат слова английского насмешника!), игра Байяра с читателем со всей очевидностью раскрывает свою сущность тогда, когда автор дает тонкий, проникновенный анализ сложнейших произведений мировой литературы – «Человека без свойств» Р. Музиля, «Улисса» Дж. Джойса, «В поисках утраченного времени» М. Пруста, «Имя розы» У. Эко, который сопровождает ссылками на то, в каком взаимоотношении он был с этими текстами по своей классификации. Почти везде либо КП, либо КС. Во всем этом, безусловно, отражен ироничный портрет современного «интеллекта» и времени, когда книга и литература, по словам Андрея Битова, перестает быть образом жизни, а становится занятием [2, с. 39]. Во всем этом – отражение печали Байяра по

поводу самоуверенности невежественного современника, подменяющего реальность ее имитацией. И поэтому он ерничает вместе с О. Уайльдом, чьи парадоксальные суждения «читать или не читать» в знаменитом одноименном эссе служат соответствующим фоном эпатажно-игровых суждений нашего современника. Ну, например, таких: «...мы вместе с Оскаром Уайльдом заключаем, что нормальное время чтения книги – десять минут, а если читать дольше, то рискуешь забыть, что все это лишь повод для написания автобиографии» [1, с. 166]; «...если комментирование непрочитанных книг – одна из форм творчества, то *творчество, наоборот, требует уделять книгам не слишком много внимания*» (курсив наш – Т.П.) [1, с. 181]. По пафосу – абсолютное совпадение с тем, что и, главное, как пишет об этом О.Уайльд в эстетической миниатюре «Читать или не читать» и в эссе «Упадок лжи». Из аналогичных уайльдовским рассуждений Байяра понятно, что автор обеспокоен нетворческим, ангажированным отношением к книге, «упадком» способности получать от чтения эстетическое наслаждение. Рецензируемая книга – образец собственного виртуозного умения эстетизировать процесс чтения.

Парадоксально-пародийная, смеховая основа размышлений Байяра подкрепляется видимой проекцией на свой изобретательный труд и книги У. Эко. Ведь неслучайно в интерпретации «Имени розы» главным объектом анализа французского литературоведа оказывается загадочное содержание второй части «Поэтики» Аристотеля, которую *никто не читал*, но все рассуждают о ней, лишь предполагая опасность текста. Опасность эта, как думают, в том, что там речь идет о функции и значимости смеха, который «есть противоположность Вере» [1, с. 47] и который «присваивает себе право подвергать все осмеянию» [1, с. 48]. Байяр изначально декларирует свое право подвергать осмеянию альхеновское смущение при вопросе «А вы читали?..». И позволяет даже преподавателю вуза не читать книгу, о которой тот ведет речь. Конечно, не «следует принимать слишком буквально то, что Байяр говорит... о собственном читательском опыте. Иначе он не был бы профессором литературы» [4]. Но, во-первых, безусловно, есть нюансы в том, какой смысл человек разного уровня образованности и увлеченности процессом чтения вкладывает в понятие «прочитать книгу». А во-вторых, наверное, есть разные формы «прочтения», ознакомления с книгой, разные формы гуманитарного знания, которые, по мнению французского профессора, имеют право на существование. И нечего тогда лицемерить, если ты в какой-то момент, в какой-то ситуации не владеешь всеми или многими формами: «...книга, – как пишет автор, – не может быть изолированной. Она – лишь элемент твоего несметного множества, которое я назвал “коллективной библиотекой” (здесь эрудит и книговед явно отсылает к идее “всемирной библиотеки” Борхеса!) и полное знание этого множества не требуется, чтобы судить о каждом из элементов. Нужно лишь определить ее место в этой библиотеке, со знаком “плюс” или “минус”, ведь книга подобна слову, которое получает свой смысл

лишь в соотношении с другими словами того же языка и с другими словами предложения, в котором оно использовано» [1, с. 123].

Может, действительно важнее понять лишь систему культурных ценностей, в которой то или иное произведение художественной литературы занимает свое место? Ведь, на самом деле, в этом пафос вузовского курса *истории* зарубежной литературы при всем том, что непосредственное знакомство с текстами никто не отменяет! Ведь иначе можно прийти к тому, что было в прошлом: «Пастернака я не читал, но осуждаю...». Обо всем этом Байяр заставляет серьезно задуматься, играя с литературой и в литературу, создавая, как и в случае, описанном У. Эко, свою «книгу-ширму». Представленные в руководстве литературоведа ситуации, «когда мы рискуем рассуждать о книгах», отнюдь не есть инструкция для нас в наших ситуациях. Здесь опять обнаруживается авторский подвох и обман читательских ожиданий, поскольку речь идет не о нас и не о наших проблемах с книгой, а о ситуациях из литературных произведений, которым дан проникновенно-ироничный анализ и профессионала, и большого любителя литературы.

Неким видимым контрастом к идеям и пафосу сочинения Байяра кажется «Камасутра книжника» Александра Гениса, в которой автор на самом деле объясняется в особом отношении к литературе и призывает собеседника к страстной любви к книге. И эта страстная любовь, по мнению писателя, возможна лишь тогда, когда читатель не пролистывает книгу (формат КП, по классификации Байяра), а сливается с ней в гедонистическом экстазе. Сам автор – пример книгочех, у которого никогда, судя по автобиографическим отступлениям, и не было иного к ней чувства. Свидетельство тому – оригинальное, личностное прочтение известных и любимых книг (среди авторов – Пушкин, Дюма, Жюль Верн, Толстой, Достоевский, Гоголь, Сэлинджер и др.), анализ которых в исполнении Гениса не может не принести читателю эстетическое наслаждение. А кроме наслаждения – и откровенную зависть по поводу тех имевшихся у автора возможностей соотнести книгу с местом ее действия: Библию – с путешествием по Палестине, «Три мушкетера» Дюма – с прогулками по Парижу; в Лондоне сверялись детективные истории Конан-Дойля, в Тарасконе – история Тартарена. И уже совсем по-мазохистски воспринимается авторское упоминание о купании в Уолдоне – месте действия книги Генри Торо.

В числе объектов любви-наслаждения оказываются труднодоступные для рядового читателя известные произведения авторов мировой литературы – Дж. Джойса, М. Пруста, Г. Торо. А. Генис честен в том, что признается в сложности пути, который он преодолел для восприятия этих книг. Отнюдь не гедонистические чувства охватывали его на первом этапе: «Впервые читать эту книгу можно только пунктиром...» [3, с. 74]. Но зато «после Джойса все книги кажутся простыми» [3, с. 79]. Как оказывается, порой требуется настойчивый труд по «сопротивлению материала» в желании получить искомое наслаждение и осознание императивов «надо», «полюбите книгу». Во всем этом – сходные с байяровскими рассуждения о ценности как «мировой»,

так и домашней библиотеки, которую «приговорила к смерти книга электронная» [3, с. 101], поскольку «молодежь относится к книгам брезгливо. Для них это – древесная падаля, в которую извели живописные рощи» [3, с. 102]. Печаль по этому поводу заставляет, как думает автор, трезво взглянуть на вещи и понять, что надо найти замену былому живому общению с живой книгой, главным образом в формате киноверсий.

В этих рассуждениях А. Гениса вижу очевидный парадокс и контраст тому пафосу начала его книги, где высказана идея о причине происходящего лишь в методах и принципах преподавания литературы. Просто, как утверждает автор, «надо преподавать умение читать. Все умеют читать. Но сейчас все разучиваются читать» [5]. Тут вновь возникает ассоциация с книгой Байяра и с его размышлением о том, что есть разница между форматами гуманитарного знания: необходимостью честного прочтения книги и необходимостью получать представление о «мировой библиотеке» – той системе общезначимых ценностей, куда вольется и твоя личная библиотека с книгами, персонально значимыми и любимыми. И в самом деле, разговор о книге и Байяр, и Генис ведут с позиций прежде всего своих приоритетов в чтении, своей личной библиотеки. Как скажет автор «Камасутры книжника», он писал эту книгу «о любви к своей библиотеке» [5]. Но суть парадокса в суждениях Гениса в том, что, с одной стороны, есть призыв «поллюбить книгу», с другой, – любить/не любить – дело вкуса и индивидуальных предпочтений, а с третьей, есть понятие «надо прочитать», поскольку о той или иной книге должен знать каждый культурный человек, не говоря уже о филологе. И не только для того, чтобы уметь о ней что-то сказать, но для того, чтобы получить представление о системе культурных ценностей и о месте в ней каждого ее объекта. И тут требуется определенный труд, напряжение, которые не всегда желанны в этом деле. Но ведь такое есть в любой области человеческих знаний – в математике, физике, химии, которыми многие увлечены и к которым, как ни странно, порой тоже испытывают гедонистические чувства, однако осознают, что есть этапы трудного преодоления множества преград в процессе погружения в предмет. Почему же в связи с литературными дисциплинами нужен дополнительный «оживляж», который бы сделал предмет привлекательным? Речь не идет о творческом, вдохновенном изложении материала. Но только не о том методе ухода в сторону от сути, от системы «мировой библиотеки», который предлагает Генис. Невозможно весь урок/лекцию о произведении свести, к примеру, к разговору об антропонимиконе, о том, как автор начинает произведение, – все это важные, но, безусловно, дополнительные аспекты анализа литературного процесса.

И Байяр, и Генис, в общем-то, озабочены одним – созданием рецептов к привитию любви к книге. И оба понимают тщетность этих усилий в современном контексте. Поэтому автор «Камасутры книжника» согласен даже на альтернативу: «Сегодня хорошее кино умеет рассказывать лучше писателей, потому что лучших оно переманивает к себе... Писатель не умрет, пока у него

есть читатель – даже если он станет зрителем» [3, с. 180–181]. А французский профессор-филолог согласен и на дилетантизм в своей сфере, признавая сложность, недоступность многих важных книг для тех, кто не развит в достаточной мере для их восприятия и осмысления вживую и кому нужен адаптер или ретранслятор. Главное, чтобы хоть в какой-то мере (КС, КП) эти книги были востребованы, чтобы не разрушилась система «мировой библиотеки». И тогда вопрос «читать или не читать» не будет удивлять своей абсурдностью. Разделяя пафос авторов рецензируемых книг, ставлю их книги на полку своей личной библиотеки с надеждой, что и другие их читатели поставят на них пометку КП – книга прочитана, ну или уж, в крайнем случае, КС – книга, о которой мы слыхали.

Библиографические ссылки

1. Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которые вы не читали. / Перевод на русский язык Алины Поповой / Пьер Байяр. М.: Текст, 2013. – 192 с.
2. Битов А. Памятник литературы как жанр / Андрей Битов // Юз! Чтения по случаю 75-летия Юза Алешковского. М.: Три квадрата, 2005. – С. 74–102.
3. Генис А. Уроки чтения. Камасутра книжника / Александр Генис. – М.: АСТ, 2013. – 349 с.
4. Петроченков Александр. Пьер Байяр. Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали (<http://apetrochenkov.livejournal.com/455363.html>)
5. «Уроки чтения» от Александра Гениса, Алекаса Дубаса и Мари Армас. Интервью с А.Генисом на радиоканале «Серебряный дождь»// www.silverru

Надійшла до редколегії 26.02.2014